

прочности общества и традиций во многих семьях, по существу, нет альтернативы многодетной семье». Кроме того, «в семьях с авторитарной властью (а таких семей в республиках с высокой рождаемостью больше, чем в других регионах) женщина поставлена в такое положение, что она не может ограничивать рождение детей, если даже и стремится к этому» (стр. 187—188). По мнению авторов, «по мере отмирания старых традиций и более кардинального изменения системы ценностей на уровне индивидуального сознания будет происходить выравнивание показателей рождаемости по стране» (стр. 188).

В то же время, в книге не исчерпан ряд сложных проблем этнического характера, связанных с изучением рождаемости. В частности, пока еще остается невыясненным характер воздействия на репродуктивные установки и поведение таких процессов, как сближение наций, этнические особенности урбанизации и др. Авторы справедливо задаются вопросами: представитель какой национальности — «многодетной» или «малодетной» определяет репродуктивное поведение семьи в случае межнациональных браков; кто в этих случаях играет решающую роль — муж или жена? Поставленные вопросы еще ждут своего исследователя.

Разделу «Репродуктивные установки и мотивы планирования семьи», как нам кажется, не достаёт насыщенности эмпирическим материалом. В СССР и некоторых зарубежных социалистических странах (ГНР, ЧССР) проводились обследования, которые могли бы дать много ценных практических сведений, иллюстрирующих сложные процессы перестройки репродуктивных установок различных слоев населения. Богатый материал содержится, например, в широком по программе и представительности польском обследовании «Семейная анкета 1972». К сожалению, авторы монографии не обратились ни к этому, ни к другим аналогичным обследованиям, ограничившись главным образом теоретической стороной вопроса.

Немаловажно отметить, что книгу завершает довольно обширная библиография, включающая около двухсот наименований различных публикаций по проблемам семьи, вышедших в последние годы.

В целом рецензируемая монография имеет большую научную значимость и представляет несомненный интерес для широкого круга исследователей проблем семьи, включая и этнографов. Ценность работы определяется как содержащимся в ней обобщением всего сделанного в области изучения важнейших социально-демографических процессов, так в равной мере и ее поисковым характером, попытками выявить закономерности развития семейно-брачных отношений.

Большое значение имеет практическая направленность работы. Многие тенденции в развитии семьи, выявленные и прогнозируемые, могут быть учтены планирующими органами и использованы в практике пропагандистской работы, целью которой является укрепление социалистической семьи, ее общественно и индивидуально необходимых функций. Хочется надеяться, что поставленные в монографии вопросы о влиянии этнического фактора на различных стадиях существования семьи обратят на себя внимание специалистов и послужат отправным толчком для новых этно-демографических и этно-социальных исследований.

О. Д. Комарова

Г. М. Керимов. **Шариат и его социальная сущность.** М., 1978, 223 стр.

Ислам, как и многие другие религии, охватывает религиозными предписаниями все сферы деятельности человека. Чем бы ни занимался мусульманин, религия имеет возможность постоянно напоминать ему о всевышнем Аллахе, независимо от того, связаны ли действия человека с религиозным культом или нет. Так, даже на охоте мусульманин обязан соблюдать жесткие правила, иначе религия не признает убитое животное «чистым». Даже судебная тяжба должна вестись на основе религиозных установлений. Даже самые интимные стороны жизни человека до деталей регламентированы нормами, установленными религией.

Коран, как известно, содержит многие предписания и запреты, но не является сводом правил поведения мусульманина — эта книга отражает лишь самый ранний этап истории мусульманской общины. Вся совокупность закрепленных в исламе норм сложилась позже, усилиями нескольких поколений мусульманских богословов и правоведов. Эти нормы и составляют канонический закон ислама, шариат.

Источники шариата — Коран и сунна, священное предание мусульман, основанное на множестве рассказов (*хадис* — у суннитов, *ахбар* — у шиитов) о поучениях или поступках Мухаммеда. Священное предание шиитов отличается от священного предания суннитов, но при этом немало хадисов признается истинными как тем, так и другим мусульманским вероисповеданием. Шариат суннитов существует в четырех кодифицированных вариантах, разработанных основателями правовых школ или, точнее, толков (*мазхаб*) суннизма: ханифитского, шафиитского, маликитского, ханбалитского. Многие

вопросы решаются каждым толком по-разному, однако расхождения несущественны и мусульманин-суннит имеет право обратиться к судье любого из четырех мазхабов. Шариат зафиксирован во многих сочинениях. Так, основатель ханифитского толка Абу-Ханифа написал книги «Аль-фикх аль-Акбар», «Аль-алим ва аль-мутааллим», основоположники других толков также оставили после себя солидные труды. Последующие поколения правоведов совершенствовали систематизацию мусульманского права, комментировали уже разработанные принципы применительно к местным условиям. Некоторые книги, составленные ими, получили даже более широкую известность, чем труды основателей мазхабов. Такова, например, книга аль-Маргинани «Аль-Хидая фи шарх аль-бидая» («Руководство по комментированию начал»), обычно называемая просто «Аль-Хидая» или «Хидая». Ею руководствовались шариатские судьи в Турции и в Средней Азии; по приказу царских властей она была переведена на русский язык и издана в Ташкенте.

Кроме того, существовало множество книг, в которых для удобства верующих были изложены лишь основные предписания шариата. Книжки, содержащие в том или ином объеме свод установлений шариата, нередко в нашей литературе называются судебниками (этим словом пользуется и Г. М. Керимов, см., например, стр. 14). Но необходимо помнить, что термин «судебник» в данном контексте не совсем точен. Основатели толков уделяли большое внимание конфликтам, разбираемым в судебном порядке, но они столь же тщательно подходили к рассмотрению различных проблем, не имеющих отношения к судопроизводству даже в весьма широком мусульманском понимании этого слова. Достаточно сказать, что среди вопросов, на которые, как считают, так и не смог дать ответа Абу-Ханифа, был следующий: какое время должно пройти для того, чтобы курица, копавшаяся в нечистотах, стала бы «чистой», т. е. дозволенной мусульманину для еды? По замыслу мусульманских законовевов, шариат должен регулировать всю жизнь и деятельность мусульманина, от колыбели до могилы. Шариат призван направлять не только поступки отдельной личности, но и деятельность целого государства. Мероприятия властей, не санкционированные шариатом, приравниваются к акту отрицания бога и объявляются вне закона. Не случайно Саудовская Аравия — страна, где шариат до сих пор лежит в основе государственного законодательства, — не подписала Декларацию прав человека, ссылаясь на то, что Декларация носит светский характер.

Знание основ шариата необходимо как исследователям, изучающим народы и страны «мусульманского мира» в прошлом и настоящем, так и практическим работникам, посвятившим себя делу атеистического воспитания трудящихся. В нашей стране шариат с ослаблением роли религии давно уже утратил былое значение, однако пережитки его все еще оказывают некоторое влияние на быт населения в районах традиционного распространения ислама, и работа по изживанию религиозных традиций должна вестись с полным пониманием специфики шариата. Потребность в серьезной монографии, всесторонне раскрывающей принципы и особенности канонического закона ислама, уже назрела давно. Поэтому книга Г. М. Керимова «Шариат и его социальная сущность» (М., 1978) вызывает заслуженный интерес не только специалистов, но и самого широкого круга читателей.

В своей монографии автор, сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, подвергает тщательному анализу основные разделы шариата. В девяти главах книги рассматриваются различные вопросы права, торговли и финансов, налоговой системы, семьи и брака, быта, производственной деятельности и, конечно, догматов и культа. Книга написана на основе изучения источников на арабском, персидском, турецком и других языках и содержит обширный фактический материал, впервые вводимый в научный оборот. Специальных монографических исследований шариата, базирующихся на восточных источниках, в советской литературе еще не было. Работа Г. М. Керимова призвана в значительной степени заполнить этот пробел.

Давая общую характеристику шариата, автор высказывает мнение, что именно шариат способствует сильному влиянию религиозной идеологии на быт и общественно-политическую жизнь населения во многих странах традиционного распространения ислама. Если, например, в христианстве система религиозных предписаний, как бы глубоко она ни проникала в быт, никогда полностью не подменяла сосуществовавших с нею светских правовых норм, то в исламе, с момента его возникновения в VII в. и вплоть до конца XIX в., не было других законодательных систем, кроме шариата. Длительному сохранению шариата как единственного законодательного регулятора жизни мусульман способствовал определенный застой в историческом развитии стран так называемого мусульманского региона: там в течение более тысячи лет преобладала по существу одна — феодальная — социально-экономическая формация; в общественной жизни мусульман стойко удерживались и пережитки архаических социальных институтов.

Рассматривая свод мусульманских предписаний, Г. М. Керимов прослеживает эволюцию шариата в процессе исторического развития. Так, в главе «Система судопроизводства» он убедительно показывает, что в ранний период ислам не имел стройной системы юридических институтов и норм. Судебное разбирательство производилось фактически на основе обычного права арабов — адата. Мухаммед, как и шейхи, главы племен, лично решал судебные вопросы и выносил приговоры в присутствии конфликтующих сторон, временами поручая это своим сподвижникам. В бурный период арабских завоеваний и создания халифата были учреждены официальные шариатские суды, испытывавшие сильное влияние судебных систем покоренных стран — Египта, Сирии, Месопотамии, Ирана и Испании (Андалузии). Автор приводит довольно подробные биографи-

ческие данные об основателях четырех юридических школ ислама и характеризует отличительные черты школ. В наши дни в большинстве зарубежных мусульманских стран действуют светские правовые и судебные органы, однако продолжают функционировать и шариатские суды, которые оказывают большое влияние на весь общественный уклад.

В главе «Мусульманские обряды и праздники» Г. М. Керимов показывает, что доисламский по своему происхождению обычай обрезания далеко не сразу приобрел значение отличительного признака мусульманина, которое он получил в последние века существования ислама. «Известные средневековые историки ат-Табари, аль-Балазури, аль-Макризи, подробно описавшие распространение ислама в период арабского завоевания Египта, Сирии, Месопотамии и других районов, а также массовый переход язычников и христиан в мусульманство, ни одним словом не упоминают о требовании соблюдать обряд обрезания», — подчеркивает автор (стр. 88). В период мусульманской военной экспансии не все последователи ислама соблюдали этот обычай. Например, один из известных полководцев IX в. пренебрег обрезанием «из-за боязни, что если у него отрежут часть его тела, то он умрет» (стр. 90). Распространение в дальнейшем обычая обрезания автор объясняет влиянием традиций покоренных арабами народов на обрядность ислама.

В своем критическом обзоре мусульманских установлений Г. М. Керимов показывает и многие другие заимствования шариата из доисламских традиций арабов и иных народов Северной Африки и Передней Азии. Так, к доисламской эпохе восходит предписание шариата молиться при затмении солнца, луны, при грозе, землетрясениях, ураганах и прочих стихийных бедствиях. Шариат узаконил и моления для вызывания дождя. Один из хадисов рассказывает, что вдова пророка, Айша, будто бы посоветовала однажды жителям Медины проделать отверстие в могиле Мухаммеда. «Таким образом святая могила была поставлена в непосредственную связь с гневящимся небом. Лишь только был выполнен совет этой мудрой женщины, дождь начал лить ручьями, выросла свежая трава и скот начал тучнеть» (стр. 47). Языческие традиции сохранил и мусульманский погребальный обряд. Одной из таких традиций автор справедливо считает молитву вахшат, содержащую просьбы к богу сжалиться над покойником и изгнать из могилы злых духов (стр. 53). Наиболее явно домусульманский пласт проступает в легендах о мирадже — путешествии Мухаммеда на небо на спине фантастического животного (стр. 75—84). Западноевропейские исследователи уже отмечали, что легенды о мирадже переключаются со сказками цикла «Тысяча и одна ночь», а С. П. Толстов в работе «Очерки первоначального ислама» отметил близость мусульманских преданий о Мухаммеде с шаманскими мифами народов Евразии. К этому уместно добавить, что легенда о посещении пророком загробного мира своим сюжетом и символически напоминает «притчи» мифологического характера, известные уже в индийских религиозных текстах (брахманах). Так, Бхригу, возмнивший себя выше отца, Варуны, и жрецов-брахманов, был отправлен Варуной, как умерший, на тот свет. Подобно Мухаммеду он увидел там различные странные явления, которые были ему впоследствии разъяснены Варуной¹ (Мухаммеду смысл увиденного объяснил ангел Джабраил). Рассматриваемые в книге Г. М. Керимова многочисленные примеры сохранения в шариате доисламских религиозных традиций убедительно раскрывают эклектичность шариата, показывают условность противопоставления мусульманских и домусульманских обычаев, воззрений и обрядов.

В монографии Г. М. Керимова впервые в нашей исламоведческой литературе подвергнуты анализу кодифицированные шариатом мусульманские критерии «чистоты», методы очищения в случаях, когда человек или предмет считается «нечистым». В четвертой главе («Запреты шариата») на конкретных примерах автор убедительно показывает, что религиозная концепция «чистоты», далеко не всегда совпадающая с элементарными нормами гигиены, сложилась в исламе преимущественно на основе ритуальных предписаний и в гораздо меньшей степени на почве традиций эмпирической народной медицины. В книге приведены факты, из которых следует, что мусульманские богословы стремились даже принципам народной медицины придать значение религиозных норм. В связи с этим принятые в исламе термины «чистый» (*халал*) и «нечистый» (*харам*) имеют по существу значение «дозволенный» и «недозволенный». Например, животное, у которого перерезано горло и выпущена кровь, «чисто» и его мясо можно есть. Если же животное убито ударом дубины по голове или удавлено, а кровь не вытекла, оно «нечисто» и есть его мясо категорически возбраняется. Ясно, что в данном случае и речи не может быть о каких-то медицинских критериях чистоты. Кровь, как известно, многими народами употребляется в пищу, и медицина не признает это вредным для здоровья. Здесь типичная оценка пищи с точки зрения ритуальных понятий о пригодном и непригодном. Этнографы, изучающие религиозные традиции мусульман, широко пользуются термином «ритуально чистый», который достаточно точно передает специфический оттенок мусульманского понимания чистоты, отраженного в шариате. Однако только в рецензируемой книге Г. М. Керимова впервые аргументированно обоснован вывод об архаическом, ритуальном характере исламской концепции чистоты (добавим, что ритуальный оттенок этого понятия не является спецификой одного лишь ислама, он известен, в частности, в иудаизме).

¹ Э. Мергаутова, Б. Мергаут. От вед к брахманизму. — «Боги, брахманы, люди», М., 1969, с. 37, 38.

В монографии Г. М. Керимова получили всестороннее освещение и мусульманские обряды и праздники. Автор исследует их происхождение и социальную сущность. Он обращает внимание читателей на тот факт, что два основных праздника ислама — праздник жертвоприношения, *аль-ид аль-кабир* (среди мусульман нашей страны распространены названия *курбан-байрам* или *курбан-хаит*) и праздник разговения, *аль-ид ас сагир* (*руза-байрам* или *руза-хаит*) неотделимы от двух основных ритуальных предписаний ислама. Праздник жертвоприношения — это часть обряда *хаджж* (паломничества к святыням Мекки), а праздник разговения знаменует окончание мусульманского поста.

В главе «Запреты шариата» автор подробно рассматривает социально-политический смысл различных запретов, касающихся пищи, быта, семейно-брачных отношений, торговли и финансов и т. д., вскрывает их исторические корни. Отмечая, что ныне многие установления шариата, в особенности среди мусульман нашей страны, потеряли или утрачивают свой первоначальный смысл (так, значительная часть верующих уже рассматривает обрезание лишь как обычай, целесообразный в гигиеническом отношении), автор справедливо подчеркивает, что нормы шариата, создающие особенности жизненного уклада мусульман, мешают сближению народов, ибо делают людей по признакам вероисповедания, проникнуты духом отчуждения от всех, кто не соблюдает принятых в исламе обычаев.

Для этнографов рецензируемая книга имеет очень важное значение. Известно, что именно благодаря работам этнографов в отечественном исламоведении за последние десятилетия сложилось направление, которое можно было назвать изучением «бытового ислама», т. е. ислама в том виде, в каком он существовал и существует в действительной жизни верующих, со всеми отклонениями от канонических правил, с сохраняющимися пережитками доисламских религиозных верований и обрядов. Для успешной работы в этой области необходимо полное знание предписаний шариата. Достаточно сказать, что нашими специалистами накоплен обширный, представляющий большую научную ценность материал по вопросам семейной жизни и семейной обрядности у некогда принявших ислам народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Казахстана. Однако этот материал обладает одним недостатком: сложившиеся у разных народов формы быта описаны, как правило, вне сопоставления со схемой норм шариата.

Знание шариата особенно нужно ученым, которые занимаются выявлением и исследованием доисламских традиций у народов мусульманских регионов. Домусульманские и мусульманские традиции в народном быту переплелись настолько тесно, что порою распознать, где находится граница между ними, нелегко. Нельзя сказать, что до сих пор этнографы шли на ощупь, обосновывая вывод о домусульманском происхождении тех или иных обычаев, воззрений, обрядов. Напротив, уже сложились достаточно надежные основы аргументации, суть которых состоит в сравнительно-типологических изысканиях, в сопоставлении бытующих явлений со сведениями исторических источников о предшествовавших исламу религиях; изолированное существование какого-либо поверья или ритуала только у одного (или нескольких) народов также справедливо рассматривалось как возможное свидетельство местного происхождения изучаемых обычаев и представлений. Однако при этом всегда ощущалось отсутствие еще одного серьезного довода — ссылки на установления шариата. За последние десятилетия у нас появились интересные работы о своеобразных погребальных и поминальных обычаях у народов Средней Азии и Казахстана. Эти исследования по праву получили широкую известность не только в нашей стране, но и за рубежом: ряд работ (например, Г. П. Снесарева) служит образцом тщательности анализа фактического материала. Тем не менее обстоятельных экскурсов в шариат в исследованиях по данной тематике нет. Кстати сказать, в книге Г. М. Керимова погребальные и поминальные обряды описаны достаточно подробно, но отдельные моменты все же не освещены. В частности, остается неясным, указывает ли шариат, какой формы следует делать могильную яму. Этот вопрос немаловажен, ибо этнографы и археологи уже отметили большое разнообразие погребальных сооружений у мусульман разных стран, разных регионов. Автору следовало бы также с полной четкостью сказать, что шариат предписывает класть покойного в могиле на правый бок, обращая его лицом к Мекке; из текста (стр. 51, 52) можно только догадываться об этом.

Особый интерес читателя, несомненно, вызовет разнообразный материал, иллюстрирующий процесс модернизации ислама, приспособления шариата к быстро изменяющимся условиям жизни мусульман в современный период. В частности, попытки наполнить новым содержанием древние идеи рассматриваются автором на примере легенды о *мирадже*. Эта легенда смущала своим откровенным фантастическим характером еще современников пророка, уверовавших в него. В наши дни идеологи ислама предпочитают истолковывать мирадж в свете современных достижений науки и техники. Они связывают рассказ о чудесном вознесении Мухаммеда с начавшимся освоением космоса, высадкой космонавтов на луну. Некоторые деятели ислама придают своей модернизированной интерпретации явный политический аспект, выискивая в мусульманской легенде намеки, якобы относящиеся к арабо-израильскому конфликту (стр. 84—86).

Книга Г. М. Керимова, написанная по первоисточникам, окажется весьма полезной для всех специалистов, интересующихся вопросами ислама. Очевидно, было бы целесообразно переиздать монографию Г. М. Керимова в ряде национальных республик на местных языках.

Автор намерен продолжать свою работу в области исследования шариата. В связи с этим хочется пожелать ему приступить и к изданию (разумеется, частями и с соответствующими комментариями) самих источников — книг, признаваемых мусульманскими авторитетами за канонический свод шариата. Перевод этих книг является актуальной потребностью науки. Недоступность их для широкого круга специалистов является серьезной помехой в исследовании ислама, жизни народов, исповедовавших ислам. Далее, в рецензируемой книге Г. М. Керимова шариат представлен как целое, как система. Представляется, что задачей следующего этапа его работы должно стать более детальное ознакомление читателя с отдельными разделами шариата. Все публикации, способствующие углублению наших знаний в области канонов мусульманства, принесут большую пользу делу атеистического воспитания трудящихся.

В. Н. Басилов

НАРОДЫ СССР

Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977, 357 стр.

В последние десятилетия этнографические исследования стали все больше сближаться с социологическими, — как по проблематике и содержанию, так и по методике, что вполне закономерно. По мере того, как шло складывание новой исторической общности — советского народа, этнические особенности быта и культуры все больше уступали место чертам общесоветского образа жизни, исследование которых является предметом социологии и осуществляется ее методами. Само собой разумеется, что это означает не вытеснение этнографии социологией, а синтез двух научных дисциплин, плодотворный во всех отношениях. Рецензируемая книга представляет собой хороший пример научной работы такого профиля.

В основе книги лежит очень большой фактический материал, собранный научными сотрудниками Института этнографии АН СССР, участвовавшими под руководством авторов книги в экспедициях и командировках. Помимо полевых, широко использованы материалы центральных архивов, литература, дореволюционная и современная, переписи разного времени, официальные статистические данные. Авторы избрали три географических пункта, характерных для той зоны, которая составляет объект исследования — города Калугу, Елец и Ефремов; в некоторых случаях проводятся параллели с другими городами. Авторы оперируют материалом как дореволюционного, так и советского времени, что дает им возможность показать те крупнейшие изменения, которые произошли в быту городского населения за рассматриваемый сравнительно небольшой в хронологическом плане (конец XIX—XX в.), но исключительно важный по своему историческому содержанию период.

Изложение строится по традиционным для этнографических исследований разделам: население, занятия, материальная культура, общественный быт и досуг. Внутри каждого раздела соответствующая проблема рассматривается в двух диахронных планах: дореволюционном и современном. При обилии фактического материала, освещенного на хорошем научно-теоретическом и литературном уровне, картина получается достаточно яркой и выразительной.

Исследованные города не принадлежат к числу тех, в которых за годы социалистического строительства возведены гиганты индустрии, — это более или менее «рядовые» населенные пункты страны, но и они за годы Советской власти полностью преобразованы: изменились их внешний облик, социально-демографическая структура населения, его профессиональный и образовательный состав, культурный уровень. При помощи большого статистического аппарата авторы дают всестороннюю характеристику населения исследуемых в книге городов. До Великой Октябрьской социалистической революции в них жили преимущественно чиновники, купцы, мещане (служащие и мастера), ремесленники, крестьяне-отходники. Рабочая прослойка — малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, занятые на мелких предприятиях типа мастерских, была весьма невелика. Состав населения городов нашего времени в принципе иной: в большинстве это рабочие крупных и средних промышленных предприятий, обладающие, как правило, достаточно высокой квалификацией и по своему культурно-техническому уровню нередко приближающиеся к инженерно-техническому персоналу.

Позволю себе высказать некоторые замечания к в общем весьма содержательному, разделу монографии, касающемуся состава народонаселения и характеристики различных его социально-профессиональных групп.

Вызывает некоторое недоумение недостаточное внимание, уделенное авторами такой важной группе населения современного советского города, как инженерно-техни-